

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ КОНГРЕССЫ 1970 ГОДА

В августе 1970 г. в нашей стране проходили два международных конгресса историков: V Международный конгресс экономической истории в Ленинграде (10—14 августа) и XIII Международный конгресс исторических наук, состоявшийся в Москве 16—23 августа. На Ленинградском конгрессе работало девять секций. I секция была посвящена истории экономической мысли и ее связи с экономической политикой, II — экономическому планированию, III — проблемам рабочей силы и населения, а фактически, миграциям, внутренним и внешним. В IV секции обсуждались проблемы денежного обращения и кредита, в V — историческая эволюция форм феодальной собственности, причем одно ее заседание было посвящено особенностям разложения докапиталистических форм собственности в Азии. VI секция дискутировала вопросы о торговых путях в Евразии до появления железных дорог, VII — проблемы экономической истории древнего мира, VIII — проблемы модернизации экономической и социальной структуры в условиях многоукладной экономики. Наконец, IX секция занималась методологией и методикой исследования историко-экономических явлений.

Структура Московского конгресса была сложнее. Там, прежде всего, ставились так называемые большие темы, например, методология, история континентов и т. д. Затем шли заседания разного рода по главным хронологическим периодам истории. Кроме того, работало множество международных примыкающих организаций и внутренних комиссий МКИИ: по истории городов, по демографии, по истории леса, по нумизматике, по ономастике, по морской истории и т. д. Проводился также симпозиум, посвященный В. И. Ленину, в связи со 100-летием со дня его рождения.

Темы обоих конгрессов во многом переплетались. Немало общего было и в идейном содержании дискуссий. В дальнейшем изложении будет сделана попытка вкратце рассказать о том, что в работе обоих конгрессов в той или иной степени соприкасалось с комплексом этнографических и этносоциологических проблем.

Прежде всего, речь пойдет о методологических вопросах, важных для исторической науки в целом. Разбор этих вопросов на Московском конгрессе начался дискуссией по теме «Историк и социальные науки».

Самая формулировка темы оказалась двусмысленной, так как в нашем понимании история является частью социальных наук, на Западе же их чаще всего разделяют. В сущности, спор шел об отношениях истории и социологии, а еще точнее — о применении в исторической науке количественных методов и вычислительных машин. Ни один оратор не отвергал этих методов, но в оценке их, как и в понимании всей проблемы соотношения наук, имелись существенные расхождения. Т. Шидер из ФРГ в присланном на конгресс докладе отметил ограниченные возможности количественных методов в историческом исследовании. Другой докладчик, Т. Пападопулос (Кипр), связал социологические методы в истории с историческим детерминизмом. В своей аргументации он часто опирался на методы этнологии, антропологии, археологии, исторической демографии. Канадский ученый А. Дюбюк подчеркнул оживляющее влияние, которое оказала социология на историческую науку. Он высоко оценил способность исторической науки к обобщениям и к постижению исторических закономерностей. Весьма критически отзывался о применении количественных методов в истории американский ученый Дж. Хекстер. В отличие от социологического исследования, историческое исследование зависит, говорил он, от количества и качества сохранившихся источников. К тому же вычислительная машина только отвечает на те вопросы, какие ставит ей историк. Хекстер подчеркнул важность системы оценок в работе историка. Итальянский историк Э. Сестан, хотя и назвал в своем докладе «История событий и история структур» структуральную историографию передовой для нашего времени, вместе с тем ограничил применение статистических методов областью истории «экономической, демографической и социальной». Подобное ограничение поддержал в своем выступлении и советский эксперт акад. Е. М. Жуков.

Несколько особняком стоял доклад «Язык и история» французского ученого А. Дюпрона. Язык трактуется в этом докладе как самостоятельный исторический

источник, в котором проявляется «коллективная душа» и «коллективное подсознание», причем язык изучается современными методами, с помощью вычислительной техники. Доклад дает очень тонкий и сложный анализ предмета, на философском уровне. Дюпон считает очень важными этнолингвистические исследования и настаивает на изучении фольклора — пословиц, изречений, ходячих выражений и народной сказки.

Среди выступлений в общей дискуссии можно отметить речь профессора Р. Фогеля, представителя американской «новой экономической школы». Полемизируя со своим соотечественником Хекстером, он защищал количественные методы в историографии, ссылаясь на достигнутые с их помощью успехи американской науки за последние 15 лет, которые привели к коренному пересмотру экономической истории США. Целый ряд ораторов подчеркнули необходимость сочетания структурного и генетического методов при изучении истории.

На методологической секции Ленинградского конгресса был обсужден доклад венгерских ученых И. Т. Беренда и Г. Ранки «О методологии и концепции всеобщей экономической истории (современный период в свете восточноевропейского опыта)». Авторы этого доклада предлагали для исследования проблем всеобщей экономической истории «региональный сравнительный метод». Отставшие страны, говорились в докладе, не просто повторяют путь, пройденный более развитыми странами — эволюция отставших стран определяется своеобразием новых общенсторических условий.

Заседания обоих конгрессов, посвященные конкретному разбору количественной методики, вызвали большой интерес у делегатов. В Москве первым из трех сообщений на тему «Цифры как элемент информации историка» был доклад группы советских ученых под руководством И. Д. Ковальченко «Количественные и машинные методы обработки исторической информации», подводивший итоги советскому опыту по исследованию аграрной истории, исторической демографии. Авторы подчеркнули, что количественный анализ обязательно должен предваряться анализом качественным. В другом сообщении, представленном французским ученым Ж. Шнейдером и возглавляемом «Машина и история», впервые обобщались результаты соответствующих работ во Франции. Шнейдер считает, что применение машин в историческом исследовании стало необходимым и неизбежным. В докладе шведских историков К. Г. Андре и С. Лундквиста «Использование массовой информации. Опыт изучения шведских народных движений» отмечалось, что изучение «динамического элемента истории» еще недостаточно обеспечено новыми методами.

На заседании методологической секции Ленинградского конгресса по теме «Координация сбора и обработки историко-экономических данных» был заслушан коллективный доклад и 16 сообщений. Доклад был представлен Центром исторических исследований при французской «Практической школе высших исследований», в нем излагалась методика нескольких крупных работ и их выводы. Следует отметить среди них демографическое исследование, проведенное по флорентийскому кадастру 1427 г. Машинные подсчеты показали нарушение равновесия поло-возрастной структуры в богатых флорентийских семьях XV в., большее число детей в богатых семьях по сравнению с бедными, распространенность большой семьи как среди горожан, так и среди селян разных классов. Демографический характер имело и сообщение американца Р. С. Скофилда «Установление состава семей при помощи вычислительных машин». Его работа велась принятым ныне в исторической демографии методом «реконструкции семей» по записям в английских церковных приходах и позволила установить плодовитость, смертность и брачность населения в связи с социально-экономическими переменами. Таллинский историк Х. Палли предложил в своем сообщении термин «историометрия» для обозначения нового направления в историографии, пользующегося математическими методами и электронно-вычислительными машинами. Другой эстонский ученый, Ю. Кахк, отмечал, что процессы перехода от одной общественно-экономической формации к другой создают возможность для особо интересных математико-статистических исследований, а последние позволяют историку устанавливать неожиданные связи.

Американский историк Т. К. Рэбб сообщил той же подсекции Ленинградского конгресса об идее сбора и изучения коллективных биографий, выданной в 1967 г. Комитетом по количественным данным в области истории при Американской исторической ассоциации. Вопросу о месте биографии в исторической науке было посвящено особое задание методологического отдела Московского конгресса. Выступавший там с докладом канадский историк А. Вильсон отметил, что биографии дают современному историку и социологу конкретный выборочный материал для изучения прошлого и настоящего. При исследовании современных городов особое значение имеет «коллективная биография». Заслуживает упоминания доклад «Историк и интервью» голландского историка-антифашиста Л. де Йонга, известного советским читателям по русским переводам его книг. Л. де Йонг сообщил об опыте сбора материала о движении сопротивления в Голландии. В этой работе широко использовались записи личных бесед с участниками событий. Л. де Йонг дал анализ этого метода сбора материала.

Много важного в этнографическом плане содержали доклады и дискуссии, которые касались докапиталистических обществ. Чрезвычайно интересен был слушавшийся на секции древней истории Московского конгресса доклад советских ученых С. Л. Утченко и И. М. Дьяконова «Социальная стратификация древнего общества». В этом докладе исследования советских этнографов по современным народам Африки,

Океании и Индонезии послужили основой для выявления предпосылок социального расслоения в древних обществах. При этом были вскрыты неклассовая и доклассовая стратификация и античные обществ.

В докладе на той же секции советский ученый В. Д. Блаватский отстаивал идею самобытности развития древнейших культур Балкан и античного мира, их независимости от восточных влияний. Все выступавшие по его докладу — это были советские историки М. А. Коростовцев, В. И. Авдиев и др. — с ним полемизировали, доказывая взаимовлияние древнего Востока и европейского Средиземноморья. После сообщения советского археолога О. Лордкипанидзе о находках V в. до н. э. при раскопках в Колхиде на том же заседании обсуждался интересный доклад американского ученого Т. Р. С. Броутона «Преемственность и борьба на Ближнем Востоке в древности». Проблема преемственности и изменчивости дебатировалась в зарубежной историографии. Проф. Броутон построил свой доклад на материале обширного географического района, населенного множеством народов, и отдал первенство преемственности. В последовавшей дискуссии советские и иностранные делегаты высказали ряд критических замечаний: одни осуждали само противопоставление преемственности и борьбы, другие — излишнюю широту темы, и т. д.

Весьма важному вопросу о производительности рабского труда (в Греции и Риме) было посвящено особое заседание секции экономической истории древнего мира на Ленинградском конгрессе. Доклад на этом заседании («Проблемы производительности рабского труда в римском сельском хозяйстве II в. до н. э. — I в. н. э.») делал московский исследователь В. И. Кузищев. В докладе пересматривалась традиционная точка зрения. Рабский труд, по мнению докладчика, был в общем производительнее, чем труд свободного мелкого производителя, чему способствовала более высокая техника рабовладельческих имений, лучшая организация труда в них, товарное производство и т. д. Противоположного мнения придерживается польский историк Е. Колендо, сделавший на том же заседании сообщение «Возможности и границы изучения производительности труда рабов в сельском хозяйстве античной Италии». Он полагает, что технические усовершенствования в сельском хозяйстве древней Италии объясняются сокращением притока рабов в период Империи и, следовательно, стремлением рабовладельцев экономить их труд.

Вопрос о роли города в ранние периоды истории был поставлен в докладе И. М. Дьяконова «Экономика древневосточного города (передняя Азия III—II тысячелетия до н. э.)» на специальной подсекции Ленинградского конгресса. По мнению автора этого доклада, «древность начинается и кончается вместе с рождением и смертью древнего города». Он полагает, что приток рабов в древневосточные города был недостаточен, а поэтому широко распространилось долговое закабаление. На том же заседании вильнюсский историк М. Л. Гельцер сделал сообщение об экономике сирийского города во II тысячелетии до н. э. О роли древних городов в этногенезе говорил на Московском конгрессе в докладе «Италийские цивилизации» французский историк Ж. Эргон. Проблему этнической пестроты в городах древности разбирал там же А. Гарсиа-и-Бельидо (Испания) в докладе «Социальные проблемы урбанизма в античном Средиземноморье». Доклад содержал анализ социальной стратификации крупнейших городов древности — Афин, Рима, Александрии. Для всех античных городов, за исключением самых крупных, автор считает типичным симбиоз «город — деревня».

Проблема этногенеза в связи с генезисом феодализма у разных народов затронута в целом ряде докладов. Румынский ученый И. Нестор сделал на Московском конгрессе доклад «Конец античного мира и варвары», в котором на новых археологических находках (главным образом в долине Рейна), сопоставленных с письменными источниками, ставит общую проблему преемственности культур и проблему синтеза культур варварских и римской. Для значительной части Балканского полуострова эта проблема рассмотрена в докладе румынских историков Э. Кондураки и Ж. Стефана «Восточнороманский мир», также представленном на Московский конгресс. Авторы подчеркнули мощное воздействие на этот район римской цивилизации, в особенности латыни, чему способствовало внедрение христианства. Этногенез южнославянских народов, особенно болгар, в связи с формированием феодализма на Балканах был освещен в докладе Д. Ангелова (Болгария). Советский историк В. Д. Кроролюк в сообщении «Раннефеодальная государственность и формирование феодальной собственности у восточных и западных славян (до середины XI в.)» на Ленинградском конгрессе коснулся проблемы развития восточнославянских и западнославянских народностей. Такие же вопросы трактовались в нескольких других докладах.

На Московском конгрессе слушался ряд докладов о жизни и культуре развитого средневековья. В докладе американского историка С. Л. Трапп «Динамика средневекового общества» разбирался вопрос о построении так называемой социальной истории средневековья, включая историю городов, их населения и т. д. Трапп, как и Броутон (см. выше), ставила проблему динамики и равновесия в ходе истории. Она предлагала картографировать формы крестьянской семьи и изучать досуг средневековых крестьян (праздники и т. д.). Очень интересен был доклад французского ученого М. Молла «Бедняки и средневековое общество». Бедность рассматривается в нем не столько с экономической, сколько с социальной и идеологической точек зрения. Молла показывает динамику отношения общества к беднякам на протяжении XIII—XV вв. посредством

вом анализа языка средневековых текстов при помощи машинных подсчетов. Чрезвычайно интересные и многозначительные результаты этого исследования подкрепляются анализом образов бедняков в изобразительном искусстве и в художественной литературе средневековья. Большой интерес вызвал также доклад французского ученого Ж. Дюби «Семейные структуры западного средневековья». Он указывает на чрезвычайную важность родственных связей в феодальном обществе. Обусловленные связями экономическими, они, по мнению автора, сами оказывали на них существенное влияние. Дюби прослеживает динамику семейных связей у разных классов, хотя по крестьянским семьям, отмечает он, имеется гораздо меньше источников. В Пикардии X—XII вв. семейные связи среди аристократии и крестьян развивались в разных направлениях. В городах семейные связи ослаблялись, что вызывало возникновение различных братств.

В докладе искусствоведа В. Н. Лазарева «Искусство средневековой Руси и Запад XI—XV вв.», зачитанном на заключительном пленарном заседании Московского конгресса, был поставлен важный вопрос о взаимодействии культур. Структурными, по терминологии В. Н. Лазарева, влияниями становятся те влияния, для усвоения которых готова почва и которые в силу этого стимулируют самобытное развитие воспринимающей культуры. Между средневековой Русью и Западом поддерживались активные связи, и русское искусство, особенно зодчество, испытало сильное влияние Запада. Тема взаимодействия культур звучала и в докладе Д. Оболенского (Великобритания) «Отношения между Византией и Русью (XI—XV вв.)».

Этносоциологические проблемы последних двух столетий затрагивались в целом ряде докладов и выступлений на обоих конгрессах, но наиболее концентрированным оказался их разбор на III секции Ленинградского конгресса — «Рабочая сила и население». Первое заседание этой секции было, в основном, посвящено внутренним миграциям. Московский ученый В. И. Переведенцев выступил там с сообщением о влиянии миграционных процессов на экономическое развитие СССР, особенно на рост городов. Югославский делегат Н. Вуко сделал сообщение о миграциях населения в Югославии между двумя мировыми войнами. Индийский делегат Дж. Кришна мурти сделал доклад о распределении рабочей силы в Индии в 1911—1961 гг., причем показал резкие различия в этом отношении между разными штатами страны в зависимости от их экономической структуры. По докладу выступил с интересным сообщением о внутренних миграциях в Индии, о переплетении в них этнических и социальных моментов ленинградский востоковед И. В. Сахаров. Американский историк Г. Дж. Ваттер в сообщении о распределении рабочей силы США по отраслям хозяйства в 1850—1880 гг. подчеркнул, как и индийский докладчик, важность дифференцированного подхода к разным районам. Расистская экономическая политика южных штатов США, отмечал он, задерживала экономическое развитие Юга и отрицательно влияла на все хозяйство страны.

На втором заседании секции, посвященном международным миграционным процессам, доклад «Причинный анализ мировых миграций» сделал канадский профессор П. Депрэ, оспаривавший общепринятое в литературе объяснение миграций экономическими причинами. Он попытался создать единую корреляционную схему, учитывающую степень культурного различия между страной эмиграции и страной иммиграции, расстояние между ними, степень осведомленности эмигрантов о стране, куда они направляются, и их имущественное положение. В прениях доклад Депрэ был подвергнут критике. В частности, советская делегатка проф. В. В. Любимова отметила, ссылаясь на факты европейских и трансатлантических миграций, несостоятельность схемы Депрэ.

В сообщении Л. Голлавея и Р. Веддера (США) «Расселение американских иммигрантов (1850—1967)» факторы этого расселения были разделены на внеэкономические и экономические. Машинные подсчеты по данным цензов и других официальных источников привели авторов к выводу о большей приемлемости экономической гипотезы. На наш взгляд, представляется, однако, что самая постановка вопроса была неверна, поскольку в так называемых «внеэкономических» факторах ощутимо присутствует экономический элемент.

С интересным сообщением «Португалия между экспансией и эмиграцией» выступил Ж. да Силва (Париж). Массовая эмиграция из Португалии, по его данным, привела к уменьшению брачности и рождаемости в стране, а также (в силу того, что эмигранты посылали на родину деньги) к установлению там денежного равновесия, что в конце концов способствовало политической и социальной стабильности и даже стагнации.

В сообщении швейцарского делегата А. М. Агманна «Анализ причин иностранной иммиграции в Швейцарию в период между 1888 и 1914 гг.» превращение края традиционной эмиграции в область, принимающую переселенцев, было объяснено второй фазой промышленной революции в стране, а особенности миграционных процессов — языковой пестротой, живой связью с сопредельными государствами, горным ландшафтом и т. д.

В интересной общей дискуссии английский делегат Э. Грин подчеркнул необходимость изучения «первого толчка» эмиграции. Это, по его мнению, обычно выселение небольшой высококультурной группы, иногда религиозной. Грин отметил также, что миграции следует рассматривать и как отрасль международных перевозок. Профессор

Гарвардского университета О. Хэндлин отметил в своем выступлении важность изучения стран эмиграции, а также политической ситуации внутри них. Нужно исследовать историю европейского крестьянства, из которого, сказал он, вышло большинство эмигрантов. Статистика здесь не поможет, необходимы исследования на местах. В интересном выступлении проф. Кауфман из Таллинна поднял вопрос об изучении путей миграции. Председательствовавший на заседании советский ученый А. Н. Шлепаков отметил в своей речи, что «выталкивание» массы эмигрантов в Европу в конце XIX в. сочеталось с огромной поглотительной способностью Америки.

Миграционной проблематике касался и доклад советского историка С. Т. Еремина «Армения, армянское купечество и развитие торговли между Европой и Азией до XIX в.», сделанный в другой секции Ленинградского конгресса. В этом докладе говорилось о многовековой эмиграции армян и о значении армянской диаспоры. Переселившиеся группы армян сыграли выдающуюся роль в культурном развитии всего армянского народа. По мнению докладчика, центр культурного развития армянского народа оказался вне его этнической территории.

Большой интерес вызвал на Московском конгрессе доклад канадского ученого Р. Кука «Роль пограничных земель в истории континентов». Докладчик подверг критическому разбору широко известное в американской, а теперь и вообще в западной историографии понятие «границы», которое было выдвинуто крупным американским историком Фр. Дж. Тернером и легло в основу одной из концепций американского национализма. Под границей (frontier) в Америке понимали крайнюю область, земледельчески освоенную и заселенную выходцами из Европы. «Граница» передвигалась на Запад до конца XIX в. Тернер придавал ей решающее значение в образовании американского общества и американской нации. По мнению Р. Кука, на канадском Западе не создалась однородная нация, как, по тернеровской концепции, на американском Западе, а возникла вертикальная мозаика различных этнических элементов. Ось доклада — вопрос о соотношении новых социальных процессов на колонизируемых землях и традиций метрополии. В Канаде роль центрального правительства в заселении новых земель оказалась гораздо больше, чем в США. Р. Кук подчеркнул важность сравнительно-исторического метода в изучении этих проблем.

Доклад Кука вызвал оживленный обмен мнениями. Советский делегат Г. Ф. Дахштейн говорил о необходимости формализовать понятие «граница» и рассматривал его с точки зрения развития капитализма внутри. Он упрекнул докладчика в пренебрежении к возникавшим проблемам коренного населения Америки — индейцам, что тот в заключительном слове признал справедливым. Оратор сопоставил колонизацию окраин в России и территориальную экспансию США, причем подчеркнул, что советские историки не идеализируют колонизационную политику царской России. Проблемы истории России и заселения ее окраин, особенно колонизации Сибири, были освещены целым рядом ораторов (советские делегаты А. А. Преображенский, Н. А. Аполлова, В. А. Александров, Ю. А. Васильчук, Е. И. Дружинин, американский делегат И. Л. Рудницкий). Делегат ГДР Х. Штекер счел понятие «границы» неприменимым к Тропической и Южной Африке. Советский делегат М. В. Демиховский высказал мнение, что, вопреки теории «границы», американская нация сложилась не на Западе США, а в старых штатах Востока. Советский ученый Н. Н. Болховитинов отметил важность городов «границы», а также классовую разнородность населения пограничных территорий. Он подчеркнул многоукладность американской экономики в XVIII и XIX вв. Другой советский историк, О. Т. Сороко, отметил, что по всей Канаде утвердился американский путь развития капитализма в сельском хозяйстве, только позже, чем в США. Колонизация канадского Запада ускорила развитие капитализма и вместе с тем канадской нации. Канадский делегат Ж. П. Валло высказался против переоценки влияния Франции на французскую Канаду.

На секции новой истории Московского конгресса слушался доклад советских ученых А. В. Ефимова и Г. П. Куропятника «К вопросу об общей тенденции истории США», где, в частности, также разбирался вопрос о западных землях и критиковалась тернеровская концепция «границы». В этом докладе характеризовалось американское рабство и отмечалась происходившая в Америке этническая консолидация негров. В дискуссии по докладу участвовали советские делегаты: Ш. А. Богина, говорившая об иммиграции как основе этногенеза американской нации; Э. Л. Нитобург, отметивший две тенденции — к обособленности и слиянию с окружающим населением — в истории негритянского движения; М. В. Демиховский и Р. Ф. Иванов. Выступили также американские историки: О. Хэндлин, охарактеризовавший, в частности, тенденции американской историографии в последние десятилетия, и С. В. Вудворд, уделивший много внимания вопросу о классовом расслоении современных американских негров.

В связи с дискуссиями по истории США следует отметить доклад Р. Фогеля и С. Энгермана «Относительная эффективность рабства: сравнение северного и южного сельского хозяйства в США в 1860 г.», сделанный на Ленинградском конгрессе. Доклад этот пересматривал установившиеся в литературе взгляды на производительность рабского труда в Америке. Машинные подсчеты экономических показателей обнаруживали, что рабовладельческое хозяйство было более производительным, чем свободная ферма. Для объяснения этого авторы выдвинули несколько предположений —

об интенсивной эксплуатации рабов «на износ», о лучшей организации крупного хозяйства и т. д.

Следует также упомянуть слушавшийся на секции новой истории доклад американского ученого С. Персона с «Джентри в США». Этот своеобразный и почти не вызвавший отклика доклад касался интеллектуальной истории США, вернее, истории американской интеллигенции. Американский «образованный класс» XVIII—XIX вв., о котором говорит Персон, представлял, главным образом, англоамериканскую культурную традицию протестантского характера, а к концу XIX в. в нем проявились черты расизма и этнических предрассудков. Угасание этой элиты Персон относит к началу XX в.

Интересный доклад под названием «Эмансипации и реконструкции: сравнительное исследование» был представлен Московскому конгрессу упоминавшимся уже американским ученым С. В. Вудвордом. В нем рассматривались освобождение рабов-негров и его непосредственные последствия в районе, простирающемся от южных штатов США до южных границ Бразилии, районе, который Вудворд называет плантационной Америкой. Сравниваемые им страны и районы этой области отличались сложным расовым и этническим составом, везде в них господствовали расовые предрассудки и дискриминация, но в разнообразных формах и степени. Освобождение рабов повсюду сопровождалось либо принуждением их к работе и подавлением (как в США), либо, там где неграм удалось получить землю (как на Ямайке или Британской Гвиане), ввозом законтрактованных рабочих. Ввозили индийцев, китайцев, яванцев, на бразильские кофейные плантации ввезли почти миллион европейцев, главным образом итальянцев. Вудворд отмечает, что межрасовые отношения в этот период обострились.

Несомненный интерес представлял доклад западногерманского ученого И. Гайсса «Возникновение современных элит в Африке (с середины XVIII в.)» — о происхождении западноафриканской интеллигенции, отчасти национальной буржуазии. В разных странах Западной Африки эти слои формировались, в большей или меньшей степени, из мулатов, крещеных африканцев и репатрировавшихся афро-американцев и афро-вестиндцев. Подобные группы, жившие на побережье и иногда называвшиеся «креолами», пренебрежительно относились к племенам глубинных районов и часто сотрудничали с колониальной администрацией. На рубеже XX в., когда назревал поворот к борьбе за независимость, в Западной Африке чрезвычайно усилился белый расизм, что повело к изменению идеологических позиций африканской «элиты». Более того, из ее среды стали пополняться кадры национально-освободительного движения. Автор особо подчеркнул несостоятельность утверждения о природных различиях между «вышшими» и «низшими» расами.

На Московском конгрессе вызвало интерес краткое сообщение Г. Люти (Швейцария) об английском проекте предоставить Индии мандат на управление Германской Восточной Африкой после первой мировой войны. Докладчик коснулся также проблемы весьма значительной индийской эмиграции в Африку.

В докладе А. Палата (Чехословакия) «Качественные изменения в развитии азиатских стран после второй мировой войны» подчеркивалась необходимость регулировать бурный рост населения в этих странах и отмечалось, что внедрение механизации может явиться для них отрицательным фактором, так как лишит работы избыточную неквалифицированную рабочую силу.

На Московском конгрессе при обсуждении темы «Национализм и классовая борьба в процессе модернизации в Азии и Африке», по которой и были сделаны эти четыре доклада (Вудворда, Гайсса, Люти и Палата), советский делегат Р. Т. Ахрамович высказал мнение о незавершенности процессов классовообразования и образования наций во многих странах Азии и Африки. Как и другие ораторы, он констатировал крайнее сужение прогрессивного содержания националистической идеологии. Делегат Конго (Киншаса) проф. Б. Евсевицкий высказался против европоцентризма в подходе к Африке и подчеркнул, что Африку до европейского завоевания нельзя рассматривать как *tabula rasa*.

Многие из этих вопросов обсуждались — в другой связи — на заседании Международной комиссии по истории социальных движений и социальных структур (Московский конгресс), посвященном теме «Крестьянские движения и аграрные проблемы с конца XVIII в. до наших дней». В представленном комиссией сводном докладе рассматривались и этносоциологические сюжеты. В частности указывалось, что коллективное национальное сознание формируется в связи с антифеодальной борьбой. В современных развитых капиталистических странах, как отмечалось в докладе, происходит разрыв связи между семьей и хозяйством в земледелии, исчезновение сельской цивилизации. В разделе, посвященном Латинской Америке, высказывалась мысль, что индейское крестьянство не входит в латиноамериканские нации, образовавшиеся в ходе войны за независимость, о чем свидетельствует якобы и индейское движение.

Очень важной и уже неоднократно затрагивавшейся проблеме этносоциологического значения города посвятила свою работу во время Московского конгресса Международная ассоциация по славянским исследованиям, избравшая тему «Город и его роль в развитии национального сознания». Среди поставленных там сообщений можно отметить доклад советского делегата И. И. Лещиловской о роли городов в Хорватии и Словении (до середины XIX в.), которые стали центрами хорватского национального возрождения. И. И. Лещиловская подчеркнула сильное воздействие евро-

пейской мысли на это движение. Польский делегат Ю. Жарновский, делавший сообщения о польских городах в той же связи, отметил зависимость национального самосознания от культурного уровня населения и особо сказал о роли интеллигенции и современных средств коммуникации в распространении именно городской культуры. Другой польский делегат нашел, что в сообщении Жарновского было недооценено крестьянское движение, а третий указал, что города, будучи многонациональными, становятся центрами национальной жизни для разных народов, что относится и к польским городам.

В докладе чехословацких историков Ю. Месароша и В. Матулы о национальном движении в Словакии подчеркивалось, что оно развивалось без участия городов. Словацкие города, как и школа, являлись центрами мадьяризации. Социальной опорой словацкого национального возрождения было главным образом крестьянство. Однако с 90-х годов XIX в., в связи с подъемом городской буржуазии и рабочего класса, словацкое национальное движение распространяется в городах Словакии, а также других областей Австро-Венгрии и США, куда из Словакии шла массовая эмиграция и где национальным центром словаков стал город Кливленд.

Делегат ГДР В. Шульце и ленинградский историк Лаптева затронули вопрос о лужичанах. Шульце подчеркнул действие на их культурное и национально-развитие немецкой культуры и университетских городов, например Лейпцига, и отметил панславизм лужичан. По мнению Лаптевой, национальное объединение господствующей нации вызывает национальное движение нации угнетенной.

Остановимся особо на теме религии. При Московском конгрессе работала Международная комиссия по сравнительной истории церкви. Этнические проблемы более всего были затронуты здесь на последнем заседании, где обсуждалась тема «Католическая церковь в англоязычном мире в XIX в.» Речь шла, собственно говоря, о католическом населении англоязычных стран. Доклад американского делегата Э. Ларкина касался преимущественно Ирландии. По его мнению, там после катастрофического голода в конце 40-х годов XIX в. и вызванного им психологического потрясения якобы резко усилилась религиозность народа. Ларкин сделал из этого малоубедительный вывод, что ирландские иммигранты в США, покинувшие родину после этого религиозного перелома, отличались более высокой нравственностью, чем их предшественники, и потому пользовались лучшей репутацией среди американцев. Докладчик отметил движение так называемого гэльского возрождения в конце XIX в., когда в Ирландии стали делаться попытки воскресить древний гэльский язык.

Канадский делегат П. Савар говорил о католицизме во Французской Канаде. Католическая церковь там выиграла, по его словам, битву с либерализмом и радикализмом за франко-канадскую буржуазию и до 60-х годов нашего века удерживала под своим влиянием все население, даже горожан. В отличие от других стран, католическая церковь Французской Канады, по мнению Савара, близка к массам. Доклад другого канадского делегата, Дж. С. Мойра, освещал вопрос об англоязычной католической церкви в Канаде в XIX в. Первым ее контингентом были иммигрировавшие из Ирландии шотландцы-католики. Они, отметил Мойр, представляли собой меньшинство в двойном смысле: от англоканадцев их отделяла религия, от франкоканадцев — язык. С последними они не смешивались, но и не враждовали. Переселявшиеся в Канаду позже католики-ирландцы, особенно беглецы от голода середины XIX в., представляли собой иной слой — это были бедняки, настроенные антибритански и либерально. С франкоканадцами у них были постоянные трения, несмотря на призывы католических епископов к единству. Франкоязычная паства католической церкви была этнически монолитна, англоязычная — нет.

Затем был сделан доклад о социальном католицизме в Англии. Многие из английских католиков в XIX в. принадлежали к поместному слою. В середине XIX в., с массовым притоком в Англию нищих единоверцев из Ирландии, в английском католицизме наступил перелом. Страх перед общественными низами, соперничество с протестантизмом и боязнь перехода в него детей католических бедняков заставили католическую верхушку организовывать благотворительные общества. Но католическая благотворительность носила узко вероисповедный характер и во многом уступала протестантской. Социальными реформами она не занималась.

Австралийский делегат сообщил об особом, по его словам, пути католицизма в Австралии. Очень долго все католическое население Австралии состояло из ирландцев, которые, по мнению докладчика, обладали особой субкультурой. Ирландские рабочие поддерживали профсоюзы, а на выборах голосовали за рабочую партию. В Австралии, как полагал оратор, осуществилось пугавшее католическую иерархию слияние католицизма с социализмом.

Беднее этносоциологическим материалом оказались другие доклады по католицизму, обсуждавшиеся на Московском конгрессе. Прежде всего, к ним относится слушавшийся на секции новой истории доклад упоминавшегося уже проф. А. Дюпрона «Единство христиан и единство Европы в период новой истории». В этом сложном по мысли и форме докладе, касающемся главным образом религиозного раскола в эпоху реформации и последствий этого раскола, сквозит дух воинствующего католицизма. Стойкость единой католической традиции обеспечивала, по мысли докладчика, и после раскола европейское единство и христианскую преемственность. Как и в докладе «Язык и история», Дюпрон пользовался понятиями «коллективной души» и «кол-

лестивной памяти». Как и там, он подкреплял свою идею лингвистическими изысканиями.

В дискуссии по докладу Дюпрона польский делегат А. Каспржак отметил стремление к единству веры и терпимость, наблюдавшиеся в Польше эпохи реформации. Подобно Нидерландам, Польша служила убежищем гонимым за веру. Религиозному единству Европы способствовала борьба с турками. Последнюю мысль высказывали и другие участники прений. Советский ученый А. И. Клибанов возразил Дюпрону, что христианство находилось как бы в обратном отношении к историческому развитию Европы нового времени, так как вступление Европы в новую историческую эпоху совпало с расколом католической церкви, а единство Европы гораздо шире христианского единства. Делегат ГДР Х. Мор объяснял сохранение идеи христианского единства после раскола отставанием общественного сознания от общественного бытия и заметил, что классовое разделение сильнее религиозного. В заключительном слове проф. Дюпрон заявил, что в качестве историка он не воспринимает католицизм как нечто вечное и призвал историков-марксистов и немарксистов к совместной работе.

Доклад каноника Р. Обера (Бельгия и Ватикан) «Христианский социализм» представлял собою обзор, преимущественно историографический, этого движения, как в протестантской, так и в католической разновидности. В докладе других католических авторов, А. Фригони и Р. Манселли (Италия), «Модернизм» шла речь об обновленческом движении, возникшем в католической церкви в конце XIX — начале XX в. и пытавшемся приспособить ее к новейшей стадии развития капиталистического общества.

Испанский историк П. М. Монтавес представил на конгресс доклад «Ислам и христианство в экономике Средиземноморья позднего средневековья». В религиозном различии здесь воплощено также различие хозяйственных и государственных структур. Между христианским Западом, где в эти века возникал капитализм, и мусульманскими странами, где господствовали феодальные государства, существовали постоянные связи и взаимовлияния, в развитии которых, как отмечал докладчик, важнейшую роль сыграло этнически пестрое население Пиринейского полуострова. Анализ цен и заработной платы приводит Монтавеса к предположению о сокращении населения Средиземноморья в этот период.

Интересное сообщение о роли религии было сделано, как это не странно, на Ленинградском конгрессе шотландским ученым Т. К. Смаутом — «О роли внеэкономических факторов в развитии Шотландии в XVIII в.» Как страна классического кальвинизма, говорил автор, Шотландия должна была бы служить подтверждением теории Макса Вебера о стимулировании буржуазного предпринимательства протестантской этикой. Так оно и было, но только с XVIII в., когда шотландский кальвинизм переключил центр своего внимания с жизни религиозной на жизнь мирскую. С этим автор связывает рост шотландской экономики, а также формирование в Шотландии организованной и цельной личности, качества которой проявились в целой плеяде изобретателей, предпринимателей, ученых, писателей и других деятелей «шотландского просвещения». Очень большое значение автор придает воспитанию детей в шотландской семье, которое в ту пору стало более свободным и дружелюбным, а также распространению образования — от начальной школы до университета.

* * *

Сколько-нибудь полный обзор Московского и Ленинградского конгрессов даже по одному кругу проблем пока невозможен, хотя бы потому, что материалы конгрессов в настоящий момент недостаточно обработаны. Но уже сейчас можно сказать, что оба конгресса отразили состояние мировой исторической науки и ее современные тенденции и что на них сказалось преобладание творческой марксистской мысли, которая не только руководит учеными социалистических стран, но пользуется признанием и уважением ученых Запада, на многих из которых она в той или иной мере оказывает влияние.

Ш. А. Богина